

Борис Васильев

УТОЛИ МОЯ
ПЕЧАЛИ...

РОМАНЫ
О СЕМЬЕ ОЛЕКСИНЫХ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
В 19

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Виктории Манацковой

В оформлении обложки использована картина А. И. Зауервейда
«Штаб-офицер лейб-гвардии Драгунского полка».

Россия. 1817–1825.

(Из собрания Государственного Эрмитажа.
Фотограф К. В. Синявский)

Васильев Б.

В 19 Утоли моя печали... : Романы о семье Олексиных / Борис Васильев. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 1216 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-30747-6

Творчество Бориса Васильева стало классикой русской литературы, его произведения переведены на многие языки и неоднократно экранизированы; среди них «А зори здесь тихие...», «Завтра была война», «Не стреляйте белых лебедей», «В списках не значился», а также дилогия «Господа офицеры», с которой началась работа Васильева над своего рода семейной сагой, охватывающей жизнь нескольких поколений дворянской семьи Олексиных на протяжении двух столетий. В этих произведениях рассказана история рода самого писателя, начиная с «записок» его прапрадеда, поручика Псковского полка Александра Алексева, который был приятелем Пушкина, ставшего одним из героев романа. Борис Васильев считал эти произведения самым значительным трудом в своем творчестве. «Я отдавал должное не предкам своим, — писал Васильев, — а лучшим представителям великой русской интеллигенции». И история дворянского рода Олексиных «превратилась в историю отваги, чести и достоинства верных сынов и дочерей навеки канувшей в Лету России».

В настоящее издание вошли романы «Картежник и бретер, игрок и дуэлянт», «Утоли моя печали...», «И был вечер, и было утро», «Дом, который построил Дед», «Вам привет от бабы Леры».

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Б. Л. Васильев (наследник), 2025

© Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург, 2025

© Оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-30747-6

К ИСТОРИИ РОДА ОЛЕКСИНЫХ

В семидесятые годы начали вымирать последние представители старой русской интеллигенции, чудом выжившие в многочисленных лагерях или чудом в них не угодившие. Сыновья и дочери птенцов гнезда Лаврова, сумевшие донести до нас его завет о неизбывном долге русского интеллигента перед своим народом. Их негромкий голос уже заглушался крепнущими басами новой, советской интеллигенции, и я понял, что обязан написать роман о тех, кто востребован был когда-то в ряды этого уникального, чисто русского явления.

То, что мы поныне понимаем под русской интеллигенцией, являлось дворянской служилой прослойкой, к которой примыкали многочисленные разночинцы. Уникальность и неповторимость именно этой интеллигенции заключалась в том, что она, во-первых, была свободна политически (дворянина можно было обвинить только либо в государственной измене, либо — в уголовном преступлении); и во-вторых, была экономически независима, ибо обладала собственными источниками существования (поместья, многочисленные родственники и т. п.). Это не просто позволяло ей мыслить критически, но и давало возможность воздействовать на государя как опосредованно, так и напрямую. Это под ее давлением Александр Второй вернул из ссылки декабристов, провел ряд общегосударственных стратегических реформ (образования, судопроизводства, военную, полицейскую) и согласился в конце концов с Конституцией, ограничивающей его собственную власть. Эта Конституция ждала его на столе в тот роковой для России день 1 марта 1881 года, когда бомба террористов-народовольцев обрвала его жизнь.

Мне посчастливилось родиться в семье, имеющей непосредственное отношение к этому периоду нашей истории. Братья Алексеевы, отец и дядя моей матушки, были основателями кружка чай-

ковцев, ходили «в народ», арестовывались и ссылались под надзор, бежали в Америку, где в штате Канзас пытались построить комму-ну на принципах Фурье. Затем В. И. Алексеев стал учителем старшего сына Л. Н. Толстого Сергея, подружился со Львом Николаевичем и спас его «Евангелие» для мировой культуры, за ночь переписав единственный экземпляр, который впоследствии переправил в Париж. Имение моего деда Ивана Ивановича Высокое Ельницкого уезда Смоленской губернии советская власть не тронула, мое раннее детство прошло в нем, и, вспомнив все это, я решил сделать большую семью провинциальных дворян Алексеевых героями задуманного романа, изменив — для свободы маневра — их фамилию на Олексиных. В то время еще жива была моя матушка и ее сестра тетя Таня. Я подолгу расспрашивал их о дедах и прадедах, о их детстве и юности, что в конечном итоге и послужило основой для работы над романом «Были и небыли».

Название предупреждало, что автор, основываясь на фактическом материале («Были»), допускает и художественный домysel, поскольку пишет не историческую монографию, а исторический роман. К примеру, таковым является вся линия Романа Трифоновича Хомякова, русского промышленника-самородка, в образе которого автор попытался обобщить черты многих представителей зарождавшейся русской буржуазии.

Консультантом моего первого исторического романа, к моему счастью, согласился быть один из лучших знатоков дворянства Петр Андреевич Зайончковский. И признаться, мне не удалось спрятаться за вымышленной фамилией Олексиных. Пригласив меня к себе после прочтения рукописи, он в дверях огорошил меня вопросом:

— Откуда вы знаете историю братьев Алексеевых?

— Внук, — невразумительно пояснил я.

— Тогда вопрос снимается, — улыбнулся Петр Андреевич. — Следовательно, наши предки вместе выбирали предводителя дворянства. Я — из Вязьмы.

Роман ему нравился, и он помогал мне с азартом и удовольствием. Нравился он и еще одному известному историку, Натану Яковлевичу Эйдельману. Он позвонил мне по прочтении, похвалил, а заодно и предложил поинтересоваться еще одним, более отдаленным предком, о котором я — правда в общих чертах — знал с матушкиных слов. Этим предком был поручик Псковского полка Александр Алексеев.

Мой первый исторический роман был напечатан в журнале «Новый мир», имел добрую прессу, вышел отдельным изданием. А у меня осталось чувство не до конца исполненного долга. Я рассказал о своих дедах, но еще ни строчки не написал о своих отцах, жизненный путь которых оказался куда более тернистым. И, помечтав и помучившись, я стал готовиться к продолжению «Былей и небылей», но уже в иной исторической обстановке. Она требовала не просто фактических знаний роковых годов России, но и почти чувственного ощущения прежде всего ее беспощадной Гражданской войны. Мучительные размышления в конце концов привели меня к определению основной идеи будущего сочинения: отцы собственными руками построили Дом, в котором мы живем и до сей поры. Дом на развалинах прежней России, щедро политых кровью ее сынов и дочерей.

Так, изнутри, что ли, возник замысел второй книги об Олексиных, за которой я оставил мелькнувшее в мечтах название «Дом, который построил Дед». Роман был напечатан в журнале «Октябрь», а одно из первых частных издательств «Инициатор» опубликовало его вместе с романом «Были и небыли» под общим названием «Господа офицеры». Но даже это не породило во мне тогда желания продолжить рассказ об Олексиных.

Я писал современные романы да публицистические статьи, но однажды ощутил вдруг, что черный век России подходит к концу. И тогда впервые подумал о том, что если XIX, золотой век России, был благословлен рождением Пушкина, то XX — Ходынкой, когда погибло свыше тысячи человек.

А тетя моей матушки Надежда Алексеевна чудом уцелела в этой озверелой толпе и давке, о чем я походя упомянул в романе «Дом, который построил Дед». Ради этого эпизода уже был собран большой материал, я подобрал еще кое-что и написал третий роман о роде смоленских дворян Олексиных «Утоли моя печали...». Его опубликовало издательство «Вагриус», роман был отмечен русско-итальянской литературной премией «Москва—Пенне», а весь тираж быстро исчез с прилавков.

Только тогда я сообразил, что у меня получилась некая «Сага об Олексиных». Серия романов о столетней истории одной семьи, а точнее — столетняя история возникновения, торжества и гибели русской дворянской интеллигенции. В ней не хватало только начала, первого тома «Саги». Я вспомнил о совете Натана Эйдельмана, стал звонить пушкинистам, подбирать материал и... и бороться

с собственной робостью, поскольку одним из ее героев должен был стать Александр Сергеевич Пушкин. И все время, днем и ночью думал, каким же был приятель Пушкина, мой прапрадед поручик Сашка Алексеев...

И вот тут... мне приснилось название: «Картежник и бретер, игрок и дуэлянт» — и я представил себе своего далекого предка живым. А в первом томе русской Военной энциклопедии нашел портрет его отца, героя Отечественной войны 1812 года генерала-майора Ильи Ивановича Алексеева. Отца Александра Алексеева и, стало быть, моего прапрапра...

Я доволен своей работой — столетней историей моего рода. Не потому, что «моего», а потому, что, как мне кажется, это самый значительный труд всей моей тридцатилетней писательской деятельности. Я отдавал должное не предкам своим, а лучшим представителям великой русской интеллигенции, которые и определили место России в истории мировой культуры. Новое время поет новые песни, но и из старых песен слова не выбросишь. Четыре романа «Столетней истории русского дворянского рода Олексиных» в пяти томах, по сути, превратились в историю отваги, чести и достоинства верных сынов и дочерей навеки канувшей в Лету России. Ее более нет, и она никогда не возродится, но у потомков должен быть пример для подражания предкам своим.

КАРТЕЖНИК И БРЕТЕР,
ИГРОК И ДУЭЛЯНТ

Записки прапрадеда

ОТ АВТОРА

Видит Бог, эти записки существовали. Мама мне говорила о них, да и я что-то припоминаю по первым ощущениям детства. Пожелтевшие страницы старой-престарой бумаги, черные, местами выцветшие чернила, чужой, странный, почти нечитаемый почерк. В Смоленске, помню... а может, то было в нашем Высоком, у деда Ивана Ивановича?.. Не удержала этого память моя, мала была еще слишком. Во всяком случае ни в Москве, ни тем паче в Воронеже этих очень ломких бумаг я уже припомнить не могу. Сестра предположила, что, возможно, они так и остались тогда то ли в Высоком, то ли в Смоленске. Но по тем местам прокатилась война, и все наши семейные архивы пропали в ее огне.

А мама мне, помнится, что-то читала. То, что касалось встреч ее прадеда с Пушкиным. И что-то осело в памяти. Скорее, стиль, способ прапрадедовского видения, мышления и мироощущения, отразившиеся в записи. Это-то тогда меня и поразило: ощущения свои я, слава богу, помню хорошо.

Великие войны и смутные времена — единственные провалы в историях народов, в яростной беспощадности которых горят даже рукописи. А ведь такой человек существовал на самом деле. Реально существовал: мне о нем говорил Натан Эйдельман, прочитав мой роман «Были и небыли», в котором рассказывалось о судьбе моих дедов — многочисленной дворянской семьи Олексиных.

— Почему бы вам не подумать о своем прапрадеде? С ним приятельствовал Александр Сергеевич, доверивший ему на хранение запрещенные цензурой строфы из «Андрея Шенье». Любопытный был поручик, пушкинисты вам о нем расскажут.

Это был не просто добрый знакомец Александра Сергеевича, а мой родной прапрадед. Если бы не он, то и меня не было бы на

свете: генетическая цепочка не признает разрывов и замен. А коли так, то я обладаю нравственным и моральным правом рассказать о вас, мой дорогой предок, все, что смогу. С искренней любовью и горячей благодарностью потомка...

«Записки» предварялись — вот это помню ясно, зрительно помню — написанными явно позднее (иной цвет чернил, почему я и запомнил) строками, обращенными к будущему читателю. К сыну, а возможно, и к внуку — далее автор, по всей вероятности, в поросль свою не заглядывал. Однако следует учитывать, что эти записки были прежде всего семейным сочинением, изначально не претендующим на широкую читательскую аудиторию. Вероятно, в старости предок перечитал написанное и, ни слова в нем не изменив (что он особо подчеркивает), счел все же необходимым кое о чем предупредить своих потомков, почему я и позволил себе назвать это обращение «Предупреждением». Название и неточное, и какое-то казенное, канцелярское, что ли, но пред нами — документ, по самому жанру своему допускающий некую нетворческую, если позволительно выразиться так, терминологию.

Единственное, что я, поразмыслив, добавил, так это объяснение некоторых простейших иностранных слов и предложений, которые никакого перевода на русский язык когда-то не требовали, поскольку существовали в обиходе. Но то — в той, канувшей в Лету России. А в нашей, современной, подчас и русские слова переводить приходится...

Итак...

ЗАПИСКИ

Сбоку — другими чернилами — то, что я дерзнул назвать

«Предуведомлением»:

Ad patres, дорогие мои, ad patres!

(«К праотцам». То есть

«ухожу к праотцам, умираю»).

Скоро, очень скоро предстоит мне рапортовать Господу со всей искренностью и по всей форме, должествующей Последнему Параду. А посему, ревизуя дела свои земные, дошел я и до сих «Заметок», а перечитав их, за благо почел не трогать ни единого слова, ничего не прояснять последующими событиями и, боже упаси, ничего не менять. Ни единого написанного когда-то слова, ни буквы единой. Не посягайте же и вы на Час Творения своего, в чем бы оно ни заключалось, в малом или великом, ибо не вам, не вам судить о сем. Не вам и Час тот принадлежит, но истории лишь одной, переписывать которую вы не властны, ибо нет большего святотатства, чем подгонять жизнь и деяния предков под сиюминутные свои интересы. Но дабы все вам было ясно и понятно, как ясно и понятно было мне, когда писал я сии «Заметки», я, с тщанием обдумав все, решился позволить себе лишь разбить записи сии на части ради лучшего вашего усвоения и понимания и наименовать каждую такую часть соответственно своим собственным соображениям.

Итак, пред вами, младое племя мое, curriculum vitae («жизнеописание») предка вашего Александра Олексина.

О ТВЕРДОСТИ НЕЗРЕЛЫХ ГРУШ И КИСЛОТЕ НЕЗРЕЛЫХ ЯБЛОК

СВЯТКИ. И ДЕНЬ ПОКА НЕ НУЖЕН

— Приказано сказать, что для вашего благородия их сиятельств навсегда нет дома.

От кого и когда я эту фразу услышал — потом. Все станет ясным потом, когда я сам начну соображать. А пока — примите как данность, ибо начал я со слов лакейского отказа в душевном стремлении своем. А die («от сего дня»), как говаривали древние. А die!

Поворотил я тогда от того дома молча и как бы в некоем транс-се, что ли. Вскочил на Лулу, помчал... В нашу Антоновку, думаете? Как бы не так! В поля помчал, в леса помчал, аки фавн, коему в вакханалиях отказали.

Туман стоял не вокруг, а внутри. Первозданный туман: клубился, светился и одурманивал одновременно и единообразно. А снаружи — ох и добрый был морозец! Стало быть, внутри у меня — туман, снаружи меня — мороз. И я зачем-то на этом морозе тулупчик сбросил. Жарко мне, видите ли, стало, невыносимо жарко.

И опять — ни одной мысли в голове. Так, обрывки. «Ах, приказано!.. Ах, со мной играть вздумали?.. Ах, неугоден стал?.. Ну, так я вам сейчас...»

А что — сейчас? Что — сейчас-то, когда туман внутри и одурманивает, и огнем жжет неистовым?.. А то, что ничего мне в голову не пришло, кроме как Лулу остановить, с седла в снег спрыгнуть, хлопнуть ее по шее горделивой и столь же горделиво наказ отдать:

— Скачи домой, Лулу, я в бездну ухожу.

Лулу ушла, хотя и фыркнула. Славной выездки лошадка была, послушна и ума хорошего. А я, видно, дурного, потому что тут же на снег навзничь упал и руки крестом раскинул. Нет, замерзать я, помнится, тогда не собирался, но нестерпимый жар пек изнутри, и я его решил гасить снаружи.

Ну представьте себе: утро, зима, заснеженные нивы, леса да перелески. Снег промороженный, сухой, как порошок, мягкий, как пух, и я — в той постели. Застелили мне поле, занавесили морозом и накрыли меня тишиной...

Сколько так пролежал, неизвестно, потому как холода не чувствовал совершенно. Ничего я тогда не чувствовал, кроме обиды раскаленной, да и не думал ни о чем, признаться. Может, час лежал недвижимо, может, и более того, а только жар мой внутренний с внешним как-то уравнился, что ли. И туман рассеиваться начал, и вместо обрывков в голове впервые мысль прорезалась: «А где я, собственно? Где люди, где Антоновка, где родительское гнездо, прашуром Опенками названное — в насмешку, что ли? Где мир людской и куда идти мне в мире этом?..» И я сел в некой вполне трезво возрастающей тревоге. И такой холод ощутил вдруг, будто один я одинешенек на всей Земле во времена великого оледенения...

А позади — вздох. Оглядываюсь — за спиной моя Лулу стоит. В инее вся. Серебряная. Не ушла, не бросила, не оставила замерзать одного середь зимнего пейзажа. Вздыхает, головой мотая, «сидись, мол, хозяин, пора уж и разум займись...».

Расцеловал я ее морду, кое-как — заостенел на морозе-то — в седло взгромоздился и повод отдал, чтоб сама дорогу покороче нашла. И помчалась моя Лулу как бы без всякого моего участия, себя разогревая и меня спасая. И я за шею ее держался, а не за поводья, сообразив наконец, что давно заоченел до полного одеревенения всех членов своих. И домчала меня Лулу.

В результате — жар, бред, голова не моя и тело не мое. Но все — в теплом доме, в нежной постели, в людском окружении, заботе и внимании.

— Барин помирает!..

И вся дворня тихо по дому носится, меня, дурака, спасая. А кормилица моя, Серафима Кондратьевна, которую матушка мне подарила, когда я в Корпусе закончил, сурово, без охов и ахов, меня с того света вытаскивала. Велела Архипу врача привезти, припарки делала, примочки, отвары, настои. И ворчала:

— Ох и неслух ты, Сашенька. Ох и неслух, горе ты мое саженное.

Вытащила. А от вольной, которую я на радостях хотел вручить ей, отказалась наотрез:

— Да куда же я от тебя уйду, родимый ты мой? Я ведь мамка тебе, какая же у мамки от сынка вольная может быть? Только от

самого Господа воля ко мне придет, а так нет для меня никакой твоей барской милости.

Очухался я. Жар прошел, боль прошла, только кашель да усталость никуда пока уходить не собирались. Но читать они не мешали, и я книжками обложился.

Честно сказать, до этого случая читал небрежно. В детстве, правда, любил матушкино чтение слушать, а потом... Потом — Корпус, а там только уставы да наставления читают. Да разве что-нибудь пикантное. А тут с безделья начал да и увлекся. Велел из Опенков отцовскую библиотеку перевезти, все равно родители мои в Санкт-Петербург перебрались вскорости после того, как в Корпус меня определили. И в старом барском доме, еще прадедом моим построенном, сразу стало тихо, а батюшке с матушкой — скучно.

«Что есть книга? Книга есть питание души, аки хлеб — тела».

Это я на титульном листе «Истории двенадцати Цезарей» прочитал. Чернила уж поблекли, почерк вельми старый: кто-то из книгочеев-предков написал. Для меня, видно, и для детей моих. Завет роду всему нашему... Только надолго ли заветом останется? Или растворим мы его в картах, попойках, войнах, дуэлях да любовных утехах? Уж многие дворяне русские в сем растворились без осадка, очень многие. По Корпусу знаю.

А я — читал. Все подряд и на всех четырех языках: напичкали меня ими в детстве. Матушка в этом особую образованность видела, вот мне и пригодилось. И как же славно бы было, коли бы и потом, потом, в племени моем страсть сия не растворилась бы с горьким и печальным весьма осадком сожаления, но куда страшнее, если и без оногo. Книга есть питание души, и нет у души иного питания...

Святки продолжались. Еще кто-то из предков моих завел, чтоб мы на народные празднества не только не смели никогда покушаться, но чтоб участвовали в них непременно. Хороводы водили, угощения выставляли — сласти да орехи, в снежки играли, на тройках крестьянских девок и парней катали. И это, признаться, мне всегда нравилось. Не дружбы ради — какая уж там дружба! — а... «ради той памяти, что мы — их росток, — как батюшка мой говаривал. — Только солнышка нам побольше досталось, потому

нам ввысь вымахать и удалось». Такая уж у него философия была. Утешительная.

А еще я тогда же, в постели лежа, писать начал эти «Записки». Сначала чтобы обиды свои выплеснуть, потом — для собственного удовольствия, а затем и для вашего. Нет, не удовольствия — необходимости для. Удовольствия не обещаю: не сочинитель. Но жизнь, кою проживаешь, сама — сочинитель. Почему и лыщу себя надеждой, что не зря чернила изводил.

Да, так святки продолжались, и Серафима Кондратьевна, мамка моя и спасительница, мне как-то утром и говорит:

— Последний святочный денечек сегодня, Сашенька. Девки придут величать тебя.

— Вели конфет принести побольше.

— Ну уж, Сашенька. Не слишком-то привечай, благодарности народ подневольный не ведает.

— Давай, давай, — говорю. — А заодно и наливочки сладенькой. Пусть пригубят за мое здоровье.

Никогда мы конфетами молодежь не баловали, издревле так повелось. Но моя кормилица спорить не стала и принесла мне сластей целую корзинку. А вот наливки не принесла.

— Наливочки они со мной пригубят, не с барином же им ею баловаться.

Я тогда промолчал, потому как другое задумал в обход кормилицы моей. Тайное и сладостно гордость мою офицерскую щекоучщее, но отложил до грядущего дня.

На следующее утро Савка, лакей мой...

...Написал вот, а перо само собой замерло. Нет, не лакей — с детства друг, приятель, вместе по полу ползали и ходить учились. Поверенный мой, во всех проказах поверенный и первый помощник, потому что Савка — мой молочный брат. Одним молоком мы с ним вскормлены, к одной груди вместе припадали, потому что сын он единственный кормилицы моей Серафимы Кондратьевны. Он мне — как Клит Александру Македонскому.

Это я вам, потомки, для памяти доброй записал. Чтоб дружбу ценили, о всех сословиях позабыв.

Да, так побрил меня Савка — легкая у него рука. Настолько легкая, что он тогда же по моему секретному указанию незаметно кошель с золотыми мне притащил и под подушку сунул. Серафиме Кондратьевне своей я, конечно, ничего о таком роде угощения

не сообщил. Хотя почти что готов был в этом признаться, когда она на меня чистую рубаху с рюшами на груди и кружевными манжетами надела, поцеловала по-матерински и рюмку портвейну для здоровья с поклоном поднесла. Врач велел каждый день по три рюмки, и я вынужден был терпеть, поскольку давно уж иное для поправки здоровья своего предпочитаю. Но после портвейна ждать начал, признаться, с куда большим нетерпением. Ну кто же девичьи рожицы милые, румяные с морозца, с прохладным равнодушием ожидать способен? Разве что мраморные истуканы, коими в казенном Санкт-Петербурге весь Летний сад уставлен.

По шуму, смеху, щебету понял: явились. А по тому, как сердце забилось вдруг, по бравости, явственно ощутимой, сообразил, что здоровье мое вернулось в казарму тела моего в полном боевом расчете. Ну, думаю, всех сейчас увижу. Всех своих Лушенек, Грушенек, Ньюшенек, Машенек, Полюшек... кого пропустил, прощения прошу. Все девы прекрасны в свои пятнадцать годочков.

А там и запели. Дому хвалу, хозяевам хвалу, а молодому хозяину — отдельно — хвалу и славу. И с этой хвалой и славой ввалились ко мне в спальню.

А я так никого и не узнал, как ни старался. У кого корчага с дырой на голове, у кого — ведро со щелью, кто до самых глаз платком закутан. Поди разберись, кто Глаша, а кто Даша. Ай да хитруньки!

— Ну, — говорю, — спасибо вам за визит да поздравления. А теперь пора и личики ваши мне показать.

Какое там! Смеются серебряными колокольчиками, приплясывают, поют, танцуют...

Танцуют, сказал?.. Случайно вылетело, потому что одна — тоненькая, невеликого росточка, в каком-то берестяном цилиндре с прорезями для глаз, и впрямь танцует, а не пляшет, как остальные. Улавливаете разницу? Danse («танец»)! Я, например, разницу сразу ощутил: по-другому плясунью эту учили. И в деревне я, признаться, ни разу еще не видел, чтобы девушки танцевали. Пляшут — да, все пляшут. С притопами и прихлопами. Отменно пляшут, с огоньком, ничего не скажешь, но чтоб фигуры, коим только танцмейстеры с детства учат, — такого я в своих деревнях еще не видывал. Такое и представить себе невозможно, потому что до сей поры никакому сумасброду и в голову не приходило учителя танцев из Парижа для своего села выписывать. И поэтому барышни

в России танцуют, а девушки — пляшут, вот ведь каким образом природное девичье обворование исстари у нас уравновешивается. Да никакая маменька соперничества своей родной доченьке не передашь и никаким барским повелением не введешь в лично принадлежащем тебе поместье: в женском шарме природа — госпожа. А тут шарма — не всякий мужчина выдержит с покоем и хладнокровием.

Я смеюсь, им подпеваю, конфетки щедрой рукой разбрасываю, а сам глаз с танцующей крестьяночки этой не спускаю. Все правильно, и ручки с кокетливой элегантностью в воздухе арабески рисуют, и ножка на носочке поворачивается, и головка не дрогнет, а лишь грациозно этак клонится от плечика к плечу, и поклоны как в менюэте... Откуда ж ты, прелестное создание?... Коли не из моей девичьей, так завтра же в ней непременно окажешься, когда дознаюсь, откуда ты сюда явилась...

И тут вдруг будто просветление снизошло.

Да оттуда, откуда меня на третий день Рождества лакей выставил по графскому указу, откуда же еще? Аннет, чертовка, это же ты. Ты!.. Прознала, видно, что я в горячке, и решила... Что — решила? Соображай, Сашка, соображай, сукин сын!.. Добить окончательно или... или навестить по сердечному беспокойству и благорасположению своему? Да навестить, разумеется, навестить и тем игру свою продолжить!.. Ладно, думаю, сейчас проверим.

— А ну, — говорю, — девы распрекрасные, одарите меня, болезного, поцелуями своими на прощанье!

Девушки захихикали, зашутулись, засмеялись, но в очередь выстроились. И предполагаемая Аннет с ними. Но не в голове стала и не к хвосту примкнула, а застенчиво и мило — в серединочке спряталась. А все целуют, губки из-под бастионов головных высвобождая. И я каждой поцелуйнице золотой на память вручаю.

И до танцорки дело дошло. Правда, я ей не только золотой вручил, я ей и на ушко прошептал:

— *Сoup de maître* («мастерской прием»), Аннет. Теперь очередь за мной.

Думаете, сказала что-нибудь в ответ? Ровно ничего. Ни словечка. А золотой — взяла. Она золотой взяла, а меня — оторопы: похоже, сильно я промазал со своими лестными догадками. Никакая она, разумеется, не графская дочь, а всего-навсего заскучав-

шая в унынии псковском чья-то гувернанточка. Может быть, той же Аннет. И я, болван, клюнул, как отощавший за зиму пескарь на дохлого червяка. То-то всласть посмеются они сегодня...

Вот как моя болезнь то ли закончилась, то ли началась с иными тяжкими осложнениями. Бог весть, где проживает «наше не пропало», бог весть...

Дальше писать буду и как есть, и как было, и что в голову придет. Последовательность — тоска педантов, а не одураченных девицами поручиков гвардии. Так-то. Вот из этого постулата исходя, и разбирайтесь сами, ни на йоту не сомневаясь в искренности вашего покорного слуги.

Мщения душа жаждет. Мщения!..

10 МАРСА

День — либо счастливый, либо никакой. Как говорится, либо банк, либо пуля в лоб.

Это я написал утром. Признаться, с дерзкого похмелья, ибо накануне поставил не на тот угол. И ведь был же голос в душе, был! Но я ему не внял. Месяе Шарль был прав, когда долбил меня, как дятел: «*Mon cher ami, if vous encore trop jeune* („Дорогой друг, по юности своей“) вы никак не научитесь слушать себя, и ваш ра́ра напрасно тратил на меня свои деньги».

Но все — за барьер! Вчера из графа вылетело признание, которое дороже проигрыша...

(Кстати, не забыть сказать Архипу, чтобы договорился о продаже Гнилого Зауголья, пока лежит снег. Провернем сделку, снег растает, и господин Поклюев обнаружит, что вместо заливного луга приобрел болото с незабудками, но — «вы так просили меня продать вам именно эту гипотенузу...»).

Следует о графе рассказать, как я себе его представлял. Иначе, боюсь, непонятым станет мое и его поведение. Выпады наши непонятыми рискуют оказаться, поскольку все наше взаимное общение уж очень походило на этакое полуучебное, полубоевое фехтование. Выпад — укол — выпад — укол. Ну и так далее, как в учебном поединке.

...Написал и — засомневался: а в учебном ли?..

Мой батюшка давно поддерживал с ним приятельские отношения. Не скажу, что дружеские — оба были хорошими ежами, — но вполне искренними и даже теплыми отношения выглядели. И не только потому, что именами они соседствовали, нет. Служили в одном полку когда-то и были ранены в одном сражении. Под Бородином они были ранены. Оба — тяжело, и оба в полдень.

А мне граф с детства казался представителем совсем иных времен. Времен Екатерины Великой, с ее совершенно особым двором, знаменитыми полководцами, отчаянными рубаками, фаворитами, куртизанками и прочее, и прочее, и прочее. Батюшка почему-то не казался, а он казался. Настолько, что я порою видел его в туфлях на высоких красных каблуках, как носили щеголи во времена матушки Екатерины. Разумеется, то всего лишь моим видением было, поскольку граф одевался всегда в полном соответствии с модой вполне современной, но не в том суть.

Насколько мне было известно как из светских сплетен, так и из домашних разговоров, графу не очень-то везло в личной жизни. Первая супруга его померла при родах, так и не сумев разродиться, он долго горевал, не мог ее забыть, поэтому вторично женился поздно, а ребенок родился еще позднее. Один-единственный, крещенный Аничкой. Мой отец тоже женился уже в возрасте, я — тоже единственный ребенок, но я оказался даром упорной и светлой надежды, а графинюшка Аничка — утешительным подарком отчаяния.

Весьма возможно, что граф и невзлюбил-то меня именно вследствие нежданного каприза судьбы. Насмешливо именовал *petit-maître* («щеголь, фронт, вертопрах»), причем прилюдно (весьма был откровенен и чудовищно гордился своей откровенностью), смотрел поверх головы, и я всегда подозревал, что причиной этому служила некая воспаленная ревность, что ли. Ну сами посудите: у старого приятеля-сослуживца — сын, продолжение рода, а у него, графа, — дочь, знаменующая конец его древней и весьма известной истории нашей фамилии. Чувство вполне понятное и вполне объяснимое, почему я и не называю даже имени его, не говоря уж о фамилии, которая самой судьбою обречена была кануть в Лету...

Да, так о графском откровении. Вдруг — задумчиво этак, будто в растопыренных картах вычитал:

— Утром, господа, мы с графинюшкой на три дня отъезжаем к Шелгуновым. *Votre invitation* («приглашение»). Так сказать,

гран-суаре старых друзей. Я сказал — «старых»? Иногда во мне прорывается что-то искреннее, как первый заморозок. Мечу абцуг (по две карты одновременно), как и условились.

«А ваша очаровательная дочь Аннет?» — хотел спросить я, но не спросил — и правильно сделал.

В Корпусе что-то толковали об огромном значении великого молчания не менее великих полководцев. За меня спросил этот хлыщ Засядский:

— А ваша очаровательная Аннет?

В доброй мужской компании всегда сыщется дурак. Надо только вовремя промолчать и сделать вид. Я промолчал и вид сделал, и хлыщ спросил то, что желательно было узнать мне. Спросил, спотыкаясь на каждой букве, как пьяный отставной полковник в гололедицу. Но граф (как хлыщ произносит титул всего-то из четырех звуков? Кажется, «хгьяфь», если не еще музыкальнее...) понял. И, глядя в карты, проворчал:

— У нас то ли краснуха, то ли белуха. Словом, какое-то разноцветное заболевание.

«Аннет дома, дома, дома!..» — стучало мое сердце, и я от столь обещающей новости загнул не тот угол...

(Сбоку — приписка: *Не забыть сказать Архиту о Гином Зауголье...*)

Итак, этим утром, выпив для аромату бокал густого, как июльская ночь, старого портвейну... не люблю, но иногда приходится... велел подседлать Лулу — почему-то я чувствую себя увереннее, когда скачу на незваные свидания именно на ней: из трех три, господа, из трех — три!.. — и помчался к дорогим соседям.

Необходимо было увидеть графский выезд. Граф себе на уме, а не мне, не вам и уж тем паче не партнерам в ландскнехт. Стоял в кустах, сидя в седле, — то ли русский язык допускает такой оборот, то ли это перевод с тех языков, которыми меня нафаршировали в детстве, не знаю, но потомки разберутся. Лулу молчала, а я, признать, мерз, как кот на ветру.

...Кстати, для потомков. Официально я холост и бездетен, но цыганка в таборе под Кишиневом нагадала мне сына, а ведь никто из нее этого пророчества червонцем не тянул. Так вот, для предсказанного цыганкой наследника: у тебя уже есть по крайней мере один братец, который мне известен. Младше ме-

БОРИС ЛЬВОВИЧ ВАСИЛЬЕВ
УТОЛИ МОЯ ПЕЧАЛИ...
РОМАНЫ О СЕМЬЕ ОЛЕКСИНЫХ

Ответственный редактор Оксана Прилежаева
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Валерий Камендо, Алиса Павлова,
Инна Кротевиц, Анна Быстрова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 23.10.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 74,48. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ARL-39941-01-R